

Уладзімір Дубоўка пра Сцяпана Злобіна

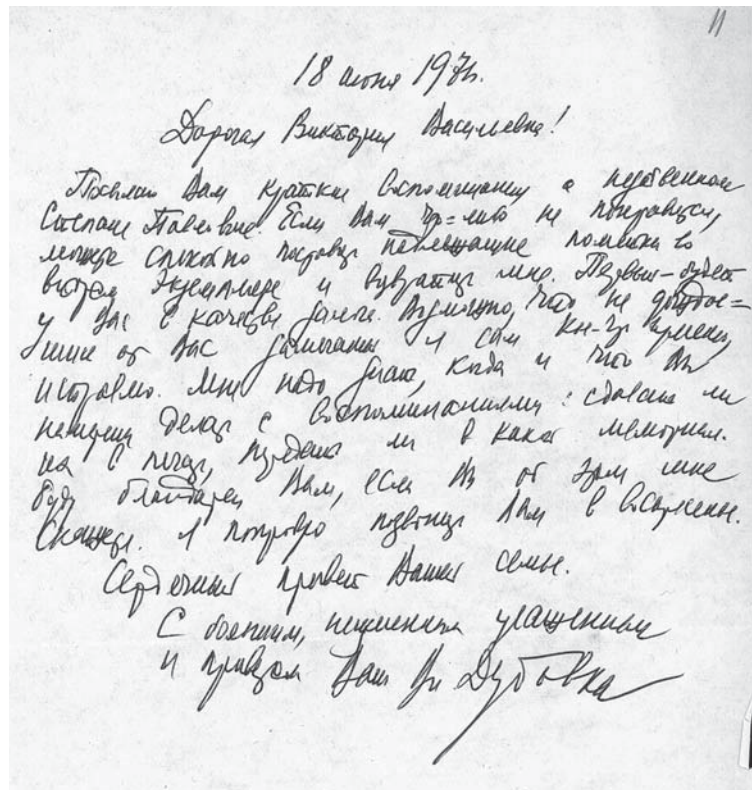
Прадстаўленыя тут паштоўкі, надпісаныя рукой Уладзіміра Дубоўкі, прызначаліся ўдаве расійскага празаіка Сцяпана Злобіна. Размова ў іх ішла пра ўспаміны Дубоўкі пра Злобіна, створаныя па-руску. На мове арыгінала друкуюцца тут гэтыя ўспаміны.

Тридцать лет и три года...¹

1

Во время своей длительной творческой командировки на Дальний Восток я видел очень много интересного и поучительного. Но, пожалуй, самое интересное там — природа. Взять хотя бы сопки. Их там тысячи. Как будто кто-то, какой-то сверхбогатырь взял и разорвал горные цепи и разбросал по безграничным просторам отдельные горы и горки. Вот они и называются сопками. Большинство из них покрыто растительностью самой разнообразной. На них, кроме лиственных и хвойных деревьев, пышно разрослись актинидии, лимонник, дикий виноград. Всё вместе взятое напоминает на первый взгляд тропические леса, знакомые нам всем по многочисленным запискам путешественников. Но вот содержимое этих сопкок, «начинка» — поистине чудо. Представьте себе, что в одной сопке — простой бутовый камень. Во второй, рядышком — мрамор, в третьей — гранит, в четвёртой — точильный камень, дальше — олово. Когда изыскатели трассы Известковая — Ургал впервые проходили по этим местам, в одной из таких «обыкновенных» сопкок они обнаружили необыкновенное богатство: олово.

¹ Расійскі Дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва. 2175.5.101, л. 1-10 (без адв.).

Прошло десять лет. Возвращаясь из своей поездки по железной дороге Ургал — Известковая, построенной нашими руками, приблизительно на уровне курорта Кульдур я увидел отсветы города, различил гирлянды огней, бегущих вдоль улиц. С удивлением я спросил у своего спутника по вагону: «А это что за город? Вроде и не видел его раньше».

— Это прииск Оловянный, — ответил мне сосед. — Лет десять назад здесь обнаружили богатые залежи руды и вот... Возведён город, жилые дома, театры, предприятия...

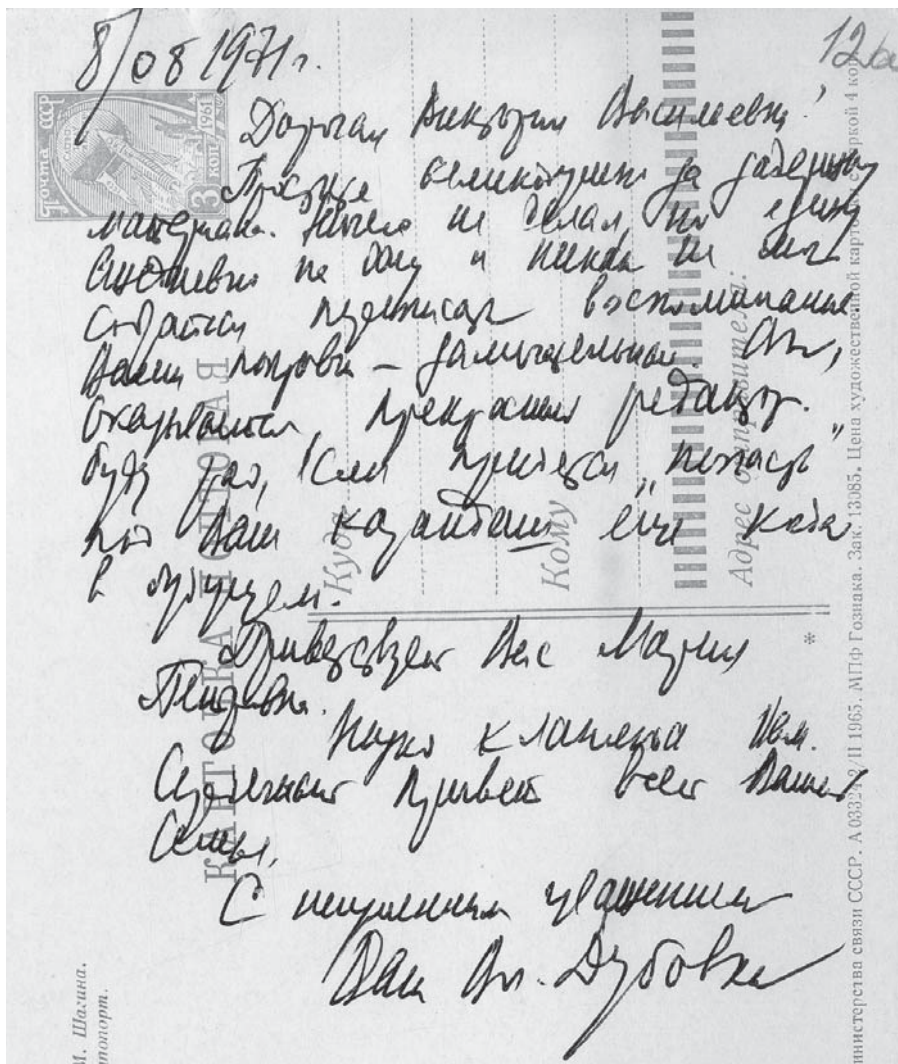
Десять лет. Казалось бы, что такое десять лет по сравнению с возрастом нашей планеты, исчисляемым миллиардами лет. А вот — гляди-ко-ся...

Нечто подобное случилось у меня и в отношении моего знакомства со Степаном Павловичем Злобиным. Впервые в жизни я встретился с ним в стенах Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова на Поварской улице, в дальнейшем переименованной в улицу В. Воровского (в настоящее время в этом здании размещён Союз писателей СССР). Произошло это в 1921 году, а в 1924 году мы расстались буквально на тридцать лет и три года, т.к. опять нас свела судьба только в 1958 году.

Таким образом, проучились мы вместе полных три года. Встречались ежедневно, готовились вместе к экзаменам и к зачётам. В нашу группу по этой подготовке входили Э.Бер, Н.Жаркова, В.Безуглова, Н.Сафонов, К. Яковчик. Сейчас для некоторых будет не совсем понятно, какая необходимость была в такой группе именно для подготовки к зачётам. Дело в том, что в 1921—1924 гг. ощущался большой недостаток учебной литературы. Особенно для такого вуза, как наш, не имевшего аналогов в прошлом. Вот и пользовались случайно приобретаемыми на книжных толкучках пособиями. Потом их штудировали, конспектировали и докладывали на таких групповых собраниях.

После окончания института, как я уже говорил, мы расстались со Степаном Павловичем. Он уехал в Башкирию. Спустя несколько лет уехал и я, но значительно дальше.

Встретились мы с ним опять лишь в 1958 году. В общей сложности я не видел его тридцать лет и три года. Разница между нами и былинным богатырём Ильёй Муромцем большая: богатырь сиднем сидел этот срок, а мы непрерывно двигались и непрерывно работали. Результаты замечательные: за эти годы Степан Павлович стал одним из лучших советских писателей, автором «Салавата Юлаева», «Степана Разина», романа «Пропавшие без вести».

Поскольку я за эти годы ни с кем не переписывался, ничего не читал, не знал я и о таком замечательном творческом росте Степана Павловича. Возвратившись в Москву, я даже навёл справки: тот ли это Степан Злобин, которого я знал когда-то или это кто-то иной. Оказалось, что именно он, мой старый знакомый. К моему огорчению оказалось также, что он лежит в постели, болеет. Но Виктория Васильевна, его верный друг и заботливый врачеватель, сказала, что Степан Павлович требует, чтобы я немедленно к нему явился.

После сибирской тайги попасть в поднебесное высотное здание на Котельнической набережной и ориентироваться в нём для меня было большим событием и, я сказал бы, делом далеко не лёгким. Всё же, изучив на практике, где «восточный корпус», где «западный», я нашёл квартиру своего старого друга. Отлёживался он в своём кабинете на диване и встретил меня строчками из моего юношеского белорусского стихотворения «Ноч наплакали бярозы»:

Ані слова, ані гуку
не чутно ў адказ.
Шле зязюля «Ку-ку, ку-ку»
ў засмучоны час...

На моём лице отразилось такое изумление, что и Виктория Васильевна, и Степан Павлович рассмеялись.

— Не удивляйся! Не хвастаюсь своей памятью, но помню пару твоих стихотворений того периода до сего дня...

В дальнейшем мы встречались со Степаном Павловичем довольно редко, по важным датам: моё новоселье, его день рождения... Дело в том, что мы оба усиленно работали. Я занят был навёрстыванием своего вынужденного прогула в литературе, а он — подготовкой новых работ к печати. Особенно много сил и здоровья забрал у него роман «Пропавшие без вести». Получилось так, что он перерабатывал его буквально от корки до корки не менее трёх раз, не считая обычной авторской работы над улучшением текста.

Не случайно в начале своего воспоминания упомянул я о дальневосточных сопках. Триста пятьдесят человек были приняты на первый курс Брюсовского института, а закончили его в первом выпуске — двадцать шесть человек. Не во всех, значит, сопках были подспудные рудные жилы. Некоторые оказались бесплодными. Некоторые товарищи убедились, что их призвание на ином поприще, и вовремя ушли в иные вузы. Степан Павлович своим неустанным трудом, своим талантом создал прекрасные произведения, которые будут жить до тех пор, пока будет жить русский народ, а это значит — вечно.

2

Чтобы убедиться в том, как упорно работал Степан Павлович над созданием и отделкой своих произведений, достаточно просмотреть одну-две страницы во всех их вариантах. Всё же я буду говорить не об этом. Мне хочется поделиться своими впечатлениями о Степане Павловиче за время нашей совместной учёбы в Брюсовском институте.

Первый и второй годы мы, что называется, осваивались с литературой. Доставали все новинки,

внимательно их читали и обсуждали. Регулярно посещали лекции, конспектировали их, т.к. ни в каких учебниках не смогли бы прочесть сказанное здесь. Посещали все диспуты, литературные вечера, особенно «чистки русской поэзии», проводившиеся В. Маяковским в Политехническом музее. Встречали и провожали друг друга строками любимых поэтов. Слушали выступления своих товарищей по Институту в аудиториях и коридорах, а иногда — выступления С. Есенина с балкона Института.

Пестрота в одежде была невероятная. Очень многие ходили в старых красноармейских шинелях, перешитых френчах, а были и в изысканных костюмах и платьях, сшитых лучшими портными того времени. Степана Павловича обычно звали Стенькой Разиным, хотя тогда он и не помышлял, вероятно, о написании романа под этим названием. Больше того — писал он тогда стихи. В Институте он появлялся часто в каком-то бунтарском вязаном колпаке, под которым скрывались дивные длинные, зачёсанные сверху светло-льняные волосы. Нередко, при хорошем настроении, его встречали песней:

Из-за острова на стрежень,
на простор речной волны
выплывают расписные
Стеньки Разина челны...

Нравились такие встречи Степану Павловичу, нравились они и нам.

Вероятно, очень глубокие причины и глубокие раздумья привели впоследствии Степана Павловича к теме Степана Разина. Но да простится такое замечание: в какой-то степени подсознательно его направляли по такому пути и воспоминания студенческого периода... Не зря товарищи-студенты нарекли его Стенькой Разиным. Много бунтарского было в его натуре, много бесшабашной удалы. Даже в быту, даже в выборе песен. Он, например, очень любил петь «Варшавянку», и мы нередко исполняли её вместе. Не думаю, чтобы исполнение наше вызывало восхищение у слушателей, но пели мы со всей душой...

Проявлялось его бунтарство в оценке произведений своих товарищей, да и авторитетов. Но, что меня всегда удивляло в Степане Павловиче,

это — быстрота реакции. Возможно, потому, что сам я обладаю несколько замедленной реакцией. Иногда, правда, Степан Павлович попадал впросак, но в большинстве случаев делал молниеносно совершенно правильные заключения. Я несколько не был удивлён, узнав, что во время нахождения в немецком плену именно Степан Злобин стал вожаком группы наших военнопленных и проводил с ними большую работу. Даже в таких тяжёлых условиях его неукротимый дух вёл к смелым и правильным решениям. О его работе этого периода говорит его роман «Пропавшие без вести». А я, для иллюстрации к словам о его способности к молниеносной реакции, приведу такой, как мне кажется, любопытный факт.

У нас в Брюсовском институте было принято раз в неделю в присутствии В. Я. Брюсова читать свои произведения (стихи, небольшие рассказы либо отрывки из крупных прозаических произведений). Это — независимо от курсовой принадлежности, т.е. мог читать своё стихотворение студент выпускного курса и вслед за ним студент первого курса. После прочтения слушатели высказывались «за» и «против». Обычно по одному. Окончательную оценку давал Валерий Яковлевич. Происходило всё это обычно в большой аудитории (ныне конференц-зал Союза писателей СССР). И вот на одном из таких вечеров попросил прочесть своё стихотворение студент старшего курса П. З. Я сейчас не смогу воспроизвести всё прочитанное им стихотворение, но хорошо помню, что оно заканчивалось строкой:

И ты падёшь, подлец Париж.

Читал П. З. как то «по-дьячковски», монотонно, но последнюю строчку он выделил повышением голоса, особенно подчёркивая звук «П»:

И ты Ппадёшь, ППодлец ППариж.

Закончив чтение, он с победоносным видом посмотрел на аудиторию и приготовился выслушивать высказывания товарищей по поводу прочитанного. Против обыкновения Валерий Яковлевич обратился к студентам с вопросом:

— Кто, товарищи, будет читать ещё?

Мы все, правду говоря, удивились и не удивились тому, что Валерий Яковлевич не ставит на обсуждение труд товарища П. З. Но сам П. З. был буквально ошарашен.

— Как это читать ещё, — спросил он, — а моё стихотворение не будет обсуждаться?

— Нет чего обсуждать! — ответил Валерий Яковлевич.

— Что значит «нет чего»? — не сдавался П. З. — Вы обратите внимание, какая звукозапись дана мною! — и он повторил заключительную строчку своего опуса.

— Вот именно звукозаписи то и нет. Есть примитивная алитерация типа «Вечер, взморье, вздох волн»... Кто, товарищи, будет читать ещё? — повторил он свой вопрос, полагая, что «инцидент исчерпан».

Но не тут-то было. Упрямый П. З. «закусил удила».

— Понятно. Понятно. Вам не понравилось, что я ваш любимый Париж назвал подлецом...

Мы, откровенно говоря, растерялись. Подумайте сами: поэту мировой славы, ректору Института, носящего его имя, и в то же время — чуткому, внимательному, заботливому старшему товарищу, поощрявшему малейшее проявление подлинного таланта, П. З., по существу графоман, наносит оскорбления. Мы, участники многих литературных битв и схваток, растерялись. Подобного ещё не было.

И вдруг прозвучала звонкая реплика Степана Павловича:

— А не этот ли «подлец» совершил две революции и дал миру Парижскую Коммуну?!

Валерий Яковлевич моментально подхватил эту реплику и дал такой ответ:

— Мы можем неприязненно относиться к Парижу французских королей, к Парижу пресыщенной и жадной французской буржуазии, ко всем этим Пуанкаре и подобным им, но мы всегда будем преклоняться перед Парижем величайших мыслителей, поэтов, художников и композиторов, перед Парижем-революционером, перед Парижем-коммунарком... Надеюсь, товарищ З., вы нас оставите в покое?!

— Нет! — ответил П. З., достойная копия жюльверновского Карабана. — Нет! Что иное я мог услышать в Институте по поводу своего революционного произведения, когда над головой ректора висят церковные иконы...

— Это ещё что за чепуха? — вскипел В. Брюсов.

— А вот, полюбитесь! — и П. З. показал рукой на левый угол зала.

Можете представить себе, что действительно в этом углу под высоким потолком находилась миниатюрная иконка, размером четыре на три сантиметра. Мы, проучившись здесь три года, ни разу не обратили внимание на неё, ибо она была не различима на такой высоте.

Степан Павлович опять отреагировал быстрее всех. Он вскочил, пододвинул в угол небольшой столик.

— Мы её сейчас снимем.

Но ему не позволил сделать это В.Я. Брюсов.

— Поскольку такое серьёзное обвинение брошено мне, вашему ректору, я сам и сниму икону.

Как следует установили стол, на стол поставили прочный стул, на всё это сооружение, поддерживаемый с одной стороны Степаном Павловичем, а с другой — нами, поднялся Валерий Яковлевич и снял иконку. С этой высоты сказал:

— Отдавая должное зоркому глазу, я считаю нужным заявить, что поскольку ваш последний аргумент бит, вы всё же оставите нас в покое?

После этого П. З. изволил отбыть из нашей аудитории...

Много можно было бы вспомнить интересных случаев из нашей совместной учёбы, оценки отдельных лекций, весёлых походов Степана Павловича, но об этом пусть скажут те товарищи, которые не расставались с ним на тридцать лет и три года, как я, грешный. Я добавлю только одно. Человек с чистым благородным сердцем, не терпевший, не переносивший проявлений подхалимства, выслуживания, заискиваний перед сильными мира сего, человек, готовый всегда, в любую минуту придти на помощь униженным и оскорблённым, — таким был и навсегда останется в моей памяти Степан Павлович Злобин, замечательный, выдающийся Художник Слова.

18 июля 1971 г.

Владимир Дубовка

Публікацыя Зміцера Давідоўскага.

18 июня 1971 г.

Дорогая Виктория Васильевна!

Посылаю Вам краткие воспоминания о незабвенном Степане Павловиче. Если Вам что-либо не понравится, можете спокойно поставить надлежащие пометки во втором экземпляре и возвратить мне. Первый — будет у Вас в качестве залога. Возможно, не дождав-шись от Вас замечаний, я сам кое-что временно исправлю. Мне надо знать, когда и что Вы намерены делать с воспоминаниями: сдавать ли их в печать, передать ли в какой мемориал. Буду благодарен Вам, если Вы об этом мне скажете. Я попробую позвонить Вам в воскресенье.

Сердечный привет Вашей семье.
С большим, искренним уважением и приветом, Ваш Вл. Дубовка.

8 августа 1971 г.

Дорогая Виктория Васильевна!

Простите великодушно за задержку материала. Ничего не делал, но ездю ежедневно на дачу и никак не мог собраться переписать воспоминания. Ваши поправки — замечательные. Вы, оказывается, прекрасный редактор. Буду рад, если придётся «попасть» под Ваш карандаш ещё когда-нибудь в будущем.

Приветствует Вас Мария Петровна. Нежно кланяюсь Вам.

Сердечный привет
всей Вашей семье.
С искренним уважением,
Ваш Вл. Дубовка.